

© 2013 г.

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук

зам. директора Международного научно-исследовательского

института социального развития

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ: ОЖИДАЕМЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Статья посвящена дискуссионным вопросам исследования продолжающейся экономической глобализации и предвидения ее будущего. Освещаются основные тенденции и результаты глобальных экономических перемен, институциональные структурные противоречия глобализируемого капитализма, процессы, ведущие к новому структурно-финансовому кризису.

Ключевые слова: экономическая трансформация, глобализация, ТНК, банки, рынок капитала, кризис-рецессия, капитализм, мировая технологическая трансформация

Проблема предвидения будущего хода и результатов мирохозяйственной глобализации становится одной из ключевых в ряду обществоведческих проблем. Попробуем обрисовать адекватный исследовательский подход к ее разрешению, опирающийся на трансформационную парадигму экономического развития.

Экономическая глобализация: день сегодняшний

Об основных тенденциях и результатах глобальных экономических перемен. Трудно оспорить очевидные, лежащие на поверхности причины усиления процессов транснационализации экономической жизни. Речь идет о снижении тарифных барьеров в международной торговле, кардинальном прогрессе в телекоммуникациях и других средствах глобальной связи, удешевлении авиатранспорта, следствием чего стало облегчение миграции рабочей силы между разными странами и континентами и ураганный рост инфраструктуры мирового туризма.

В глобализации определенно заинтересованы широкие круги бизнеса². Как показывает практический опыт, *предприниматели, участвующие*

¹ В продолжение анализа перспектив мировой экономики в следующем номере журнала публикуется статья *А. Мартынова* «Сценарии будущей эволюции капитализма».

² Кругман П. Возвращение великой депрессии? М.: Эксмо, 2009, с. 47-52.

в глобальной деятельности, получают весомые стратегические, финансовые и производственные преимущества, которые дает сложившаяся мирохозяйственная система капитализма в сравнении с любой национальной. Кроме того, до недавнего времени очень весомыми оказывались выгоды от инвестирования (в том числе в форме кредитования) на международных рынках, особенно рынках незападных развитых, а также постсоциалистических и постразвивающихся стран.

Достаточно понятными представляются и преимущества региональной, точнее, мультирегиональной интеграции национальных экономик. В рамках региональных экономических союзов достигается большой прирост экономической эффективности за счет интеграции национальных рынков, в свою очередь, непосредственно связанной с кардинальным расширением деятельности международных компаний и ростом прямых иностранных инвестиций. На использование этих преимуществ направлено создание ЕврАзЭС.

Тем не менее, признавая позитивные стороны процесса глобализации/мультирегионализации экономической жизни, многие исследователи справедливо обращают внимание на неоднозначность его результатов в настоящий период первых десятилетий 21 века.

Реально после последнего мирового кризиса 2008-2009 гг. спонтанно происходит ускоренная финансовая глобализация, в том числе вследствие бегства капитала из России и ряда других стран. Она обусловлена широчайшими возможностями вывода национального капитала, прежде всего банковского, на мировые рынки ценных бумаг и другие финансовые рынки. Так, по данным Всемирного банка, прибыль от операций на глобальном фондовом рынке увеличилась на 12,7% в развитых странах и на 13,9% в странах с развивающимися рынками¹.

Сохраняются и положительные темпы роста международной миграции рабочей силы, главным образом из бедных стран в западные страны. По данным Международной организации труда (МОТ), в прошлом году они лишь незначительно снизились в сравнении с посткризисным максимумом в 2010 г.

В то же время можно констатировать существенное замедление роста глобальной занятости, процессов торговой глобализации и производственной транснационализации со второй половины первого десятилетия XXI века. И эта тенденция вновь усилилась после мирового кризиса 2008–2009 гг. Так, за последний период (с лета 2011 г.) перспективы глобальной занятости ухудшились. В 2013–2016 гг. прогнозируется в лучшем случае сохранение 6% уровня глобальной безработицы². В свою оче-

¹ Global economic prospects. Volume 6, January 2013.
www.worldbank.org. GEP13AFinalFullReport_.pdf, p.41.

² Global Employment Trends 2012. International Labour Office. Geneva: ILO, 2012.

редь, по данным Всемирного банка, в прошедшем 2012 году темпы роста мировой торговли резко снизились (на 2,3 пункта) до минимального уровня – 3,8% – за последнее десятилетие¹. А объем чистых прямых иностранных инвестиций, отражающий размеры производственного транснационального накопления, снизился в абсолютном выражении на 6,1% в прошедшем году².

В целом правомерно констатировать разнонаправленную динамику основных составляющих экономической глобализации как процесса трансформационных сдвигов. При этом все более выявляются *тенденции к замедлению глобализационных перемен*. Речь идет прежде всего о продолжающемся кризисе ЕС и ухудшении взаимных торговых отношений между многими странами. Последнее непосредственно обусловлено слабостью ВТО как органа координации мировой торговли, главные участники которой – США и Китай – постоянно нарушают принятые правила.

В свете сегодняшней ситуации следует констатировать, что долгосрочный проект утверждения глобального капитализма, а точнее транснационального корпоративного капитализма в русле доминирующих взглядов западных идеологов в 80-90 гг. оказался далеким от реальности³. Идея быстрой и полной мирохозяйственной глобализации кажется теперь наивной. Впрочем, справедливости ради, уместно констатировать сохранение представлений о чудодейственности глобализации, навеянных иллюзиями 90-х гг. В частности, такие представления все еще распространены в России.

Глобализация продолжается в условиях сохранения глубоких различий между экономическими системами разных стран и групп стран. Так, в рамках развитого западного мира сохраняется дивергенция национальных капитализмов. Сам ход экономической глобализации и мультирегионализации свидетельствует о принципиальном отличии англо-американской капиталистической модели от модели капитализма в странах так называемого регулируемого капитализма (прежде всего Японии и Германии)⁴. Еще более разнится от преобладающей капиталистической модели англо-американского образца модель смешанной экономики в скандинавских странах – Норвегии и Швеции, развитие которых на основе высокотехнологичного уклада стало очень привлекательным.

¹ Global economic prospects. Volume 6, January 2013. www.worldbank.org. GEP13AFinalFullReport_.pdf, p. 67.

² Op. cit., p. 49.

³ См., например: Reich R. The Work of Nations. Preparing ourselves for 21 Century Capitalism. N.Y., 1992.

⁴ Широкою известность получили исследования на эту тему Ричарда Уитли, Пола Холла, Дэвида Соскиса и Вольфганга Штрека: Whitley R. The theory of divergent capitalisms. Oxford, 1999; Hall P., Sockice D. Varieties of capitalism. Oxford, 2001; Streeck W. Reforming capitalism. Oxford, 2009.

Весьма существенно отличие от наиболее распространенной системы капиталистической экономики экономических систем большого числа постсоциалистических и пост развивающихся стран с интенсивно развивающимися национальными рынками. В этой связи неясной выглядит будущая судьба всего так называемого восточного, а точнее, незападного экономического сообщества, включающего в себя в первую очередь страны BRICS (заметим, что в число стран BRICS наряду с Россией входит и Индия, которую более 60 лет пытались инкорпорировать в сферу западного капитализма). Полноценная институциональная интеграция их экономик в глобальную систему превалирующего западного образца представляется очень затруднительной в обозримой перспективе. А ведь именно страны BRICS во главе с Китаем, как теперь признается в официальных докладах МВФ и Всемирного банка, являются главным локомотивом мировой экономики.

Однозначно в состав мировой капиталистической системы не входят Иран и ряд других стран мусульманского мира, до настоящего времени не определившихся с выбором национальной экономической модели. Пока можно только констатировать, что в этих странах при всех особенностях их экономических систем утвердились частная собственность и независимое предпринимательство.

Феномен корпоративизации. Среди глобальных трансформационных перемен последних десятилетий особенно явственно обнаруживает себя феномен утверждения на мировой экономической арене в качестве главных действующих лиц корпораций и особенно транснациональных корпораций. Вполне резонно очень часто экономику конца XX — начала XXI века называют корпоративной.

Наверное, не стоит повторять общеизвестные сентенции по поводу господства крупных корпораций на мировых рынках и большинстве национальных рынков, о чем однозначно свидетельствуют все те же ежегодные рейтинги журналов «Форбс» и «Форчун». По оценкам авторитетных международных организаций, крупные транснациональные корпорации создают примерно две трети мирового валового продукта. В целом ТНК обеспечивают около 50% мирового промышленного производства. На них приходится более 70% мировой торговли. 40% этой торговли происходит внутри самих ТНК, где транзакции осуществляются не по рыночным ценам, а по так называемым трансфертным ценам, формируемым не на рынке, а в результате действия регулирующих правил материнской корпорации. Вполне объяснимо крупнейшие ТНК имеют бюджет, превышающий бюджет некоторых стран.

Огромную роль в мировой экономике играют и крупные высокотехнологические компании (КВК), к которым принято относить корпорации с активами более 50 млрд дол. Всем известны примеры успешной коммер-

ческой деятельности высокотехнологичных компаний, таких как Микрософт, Эппл, Гугл, Интел, Фейсбук, Самсунг, Ленова и др.

Нельзя отрицать большую роль корпораций в инновационном процессе и обеспечении технологического прогресса. Это особенно заметно в электронике, компьютерной технике, автомобилестроении, телекоммуникациях. По сути дела корпорации сами определяют направления создания знаний по профилю своей деятельности¹. При этом ключевое значение приобретает целенаправленная реализация корпорациями новых знаний в хозяйственной и вообще общественной жизни. Так, создание микрочипов компанией Интел в начале 1970 гг. стало главным шагом в ходе произошедшей информационно-технологической революции.

Безусловно, крупные корпорации превосходят по экономической эффективности остальную бизнес. Так, по оценкам, объем продаж 200 крупнейших транснациональных корпораций (ТНК), на которых работает менее одного процента от глобальной рабочей силы, равняется почти 30% мирового ВВП.

В этой связи следует обратить внимание на несостоятельность до сих пор распространенных упрощенных воззрений на феномен глобализации. Они просто игнорируют глубоко неатомистическую структуру современных рынков.

Доминирующая роль мирового финансового капитала. Правоммерно констатировать явное господство финансового капитала в условиях нынешней мирохозяйственной глобализации. Достаточно сказать, что по темпу роста объем займов на международном рынке капитала за последние 15 лет превысил в 2,3 раза валовой мировой продукт.

Рост стоимости акций в результате операций на фондовом рынке по существу выступает основным стимулом инвестирования со стороны корпораций и их главных деловых партнеров – банков. Достигаемое таким путем увеличение финансового капитала позволяет корпорациям сохранять и во многих случаях усиливать власть над рынком, а мажоритарным владельцам акционерного капитала корпораций, во многих случаях их высшим менеджерам, превращаться в мультимиллионеров и миллиардеров.

Огромны масштабы финансовых спекуляций, в результате которых извлекаются подчас астрономические прибыли на колебаниях котировок ценных бумаг крупных корпораций. Косвенно об этом свидетельствует хотя бы объем денежного оборота по выкупу собственных акций и облигаций корпораций, в несколько раз превышающий объем эмиссии вновь выпускаемых ценных бумаг для осуществления прямых инвестиций.

Финансовый капитал самым активным образом вовлечен и в кредитование торгового спекулятивного оборота. А он, как известно, в настоя-

¹ Нинака И., Такеучи Х. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М.: Олимп Бизнес, 2011.

щее время возрастает особенно быстро вследствие воспроизводства глубоких мирохозяйственных торгово-спекулятивных ниш. Наверно, наиболее значимую из них представляет поставка товаров из Китая и ряда других азиатских стран (прежде всего Вьетнама, Бангладеш, Индонезии), уровень внутренних цен на которые гораздо ниже уровня соответствующих цен в большинстве развитых стран. И эта ценовая разница становится объектом спекулятивной наживы в условиях сохранения неконвертируемости юаня и, тем более, других азиатских валют, отличающихся чрезвычайно заниженным реальным коммерческим курсом относительно доллара.

Сказанное может быть проиллюстрировано на примере российского рынка, характеризуемого сильно заниженным курсом рубля относительно доллара и евро и одновременно очень высоким уровнем внутренних цен в сравнении со странами Азии. Здесь извлекаются огромные барыши в результате селективного кредитования торговых операций по импорту товаров из Китая и других упоминавшихся стран. При этом есть все основания полагать, что ресурсами для такого рода кредитования служат «избыточные» финансовые накопления крупных российских корпораций.

Спекулятивные финансовые мотивы непосредственно обуславливают, как подтверждают последние резонансные события на мировом фондовом рынке, «акулье» поведение крупных корпораций в процессе слияний и поглощений. Путем диверсификации своих активов они достигают максимальной капитализации.

Сказанное в полной мере относится и к российскому фондовому рынку. Здесь, к сожалению, практически все преуспевающие корпорации, в том числе недавно ставшие на ноги корпорации ОПК, стремятся к слияниям и поглощениям, увеличивая таким путем свою капитализацию в прогрессивной пропорции.

Давно сложился неформальный союз финансового капитала и ТНК в сырьевом секторе. Широкомасштабный перелив избыточного финансового капитала на фьючерсные сырьевые рынки (где в настоящее время происходят практически все сделки с нефтью и другими стратегическими ресурсами) резко увеличился в результате громадных спекулятивных операций за период кризиса. При этом рост цен на сырьевые ресурсы нейтрализует потенциально инфляционное увеличение денежного (кредитного) спроса на реальные активы вне сырьевой сферы.

В целом не вызывает сомнений первенствующее положение с точки зрения основных рыночных индикаторов крупнейших мировых банков, страховых фирм и ТНК в сырьевом секторе. Такой вывод может быть сделан, исходя из данных международной статистики и опросов все тех же журналов «Форбс» и «Форчун».

По-прежнему интересы мировой финансовой олигархии, господствующей в инновационной и традиционной сфере, оказываются превы-

ше всего. В угоду им тормозятся многие позитивные инициативы во благо всего человеческого социума. Так, по целому ряду известных фактов¹, именно тесными взаимными интересами крупнейших западных банков и транснациональных корпораций, особенно нефтяных, объясняется крайне медленное распространение автомобилей с электродвигателями – наиболее эффективных транспортных средств в условиях сверхурбанизации и жестких экологических требований.

В основном сохраняется и состав главных действующих финансовых игроков в мировой табели о рангах. По-прежнему господствующее положение в ней занимает известное созвездие крупнейших американских и европейских банков, связанных друг с другом тесными неформальными партнерскими связями. В него входят банки «ГолдманСакс», «ДПМорган Чейз» (первый коммерческий банк мира!), «Морган Стэнли» (крупнейший мировой инвестиционный банк), «Ситибанк», «Банк Америки», «БНП Парибас» и «Кредит Свисс».

Вполне показателен следующий факт. Единственный за последние десятилетия министр финансов США, который не был прежде банковским руководителем с Уолл-Стрит, Юджин О'Нил был снят с должности с откровенно циничной формулировкой «за недостаточный учет в своей политике мнения финансовой элиты».

Правда, в последнее время изменения происходят и в структуре финансового капитала. Так, китайские банки в самые последние годы резко укрепили свое положение. Теперь они, согласно тем же упомянутым рейтингам, занимают верхние позиции в мировой табели о рангах.

По-прежнему в финансовой сфере сосредоточен астрономически избыточный относительно потребностей реальной сферы капитал, в решающей мере возникший в результате спекулятивных операций на товарных рынках и рынках капитала, прежде всего на мировом фондовом рынке. По всем признакам, и в будущем совокупный глобальный финансовый капитал, то есть капитал банков, страховых компаний, инвестиционных фондов и других финансовых субъектов, будет возрастать путем дальнейшего раскручивания маховика спекулятивных операций. В первую очередь на валютных, сырьевых и других заведомо волатильных рынках.

Общеизвестно, что *денежные потоки, циркулирующие в рамках финансовой сферы, во много раз превосходят денежный спрос, исходящий от агентов реальной экономики*. И в последние годы, предшествующие кризису, эта диспропорция явно выразилась в перенакоплении финансового капитала – хотя бы по отношению к мировому ВВП. В самых широких масштабах имеет место накопление фиктивного капитала, о феномене

¹ Who Killed the Electric Car?

www.en.wikipedia.org/wiki/Who_Killed_the_Electric_Car%3F.

которого писали еще Карл Маркс в 3 томе «Капитала» и Рудольф Гильфердинг в своем труде «Финансовый капитал». Уместно процитировать Гильфердинга: «Спекуляции создают рынок для сбыта фиктивного капитала, превращая его в действительный капитал»¹. И хотелось бы напомнить, что последний мировой кризис 2008–2009 гг. произошел в решающей мере именно по причине усиления глобальных финансово-спекулятивных разрушительных процессов.

Глобальное финансовое регулирование. Финансовая власть над миром в значительной мере принадлежит США и стоящими за этим государством кругами мирового финансового капитала. Речь идет о фактической координации основных потоков на мировом финансовом рынке Федеральной резервной системой (ФРС) и Минфином США, МВФ и Всемирным банком. По сути дела негласно сложился финансово-политический союз наиболее мощных по уровню банковских активов западных стран.

Ключевая роль ФРС как регулятора мировой экономики давно ни у кого не вызывает сомнений². Программы количественных смягчений ФРС (QE1, QE2, QE3), связанные с прямой долларовой эмиссией, по существу играют роль стимуляторов экономического роста и роста стоимости капитала (отражаемой фондовыми индексами) в странах BRICS и остальном развивающемся мире. В результате огромное число стран и в первую очередь их национальные банки оказываются прямо зависимыми от американских монетарных властей.

И, видимо, стоит отнестись в известной мере с пониманием к позиции таких стран, как Венесуэла и Белоруссия, которые защищают свои внутренние финансовые и денежные рынки от зарубежных вливаний. Таким путем они обеспечивают сохранение экономического суверенитета на основе собственности на свои национальные предприятия, хотя и ограничивают возможности привлечения ресурсов для развития.

Одновременно Министерство финансов США путем размещения государственных облигаций выступает крупнейшим мировым заемщиком на рынке капитала. Достаточно упомянуть об относительно недавнем законодательном повышении планки государственного долга до астрономического уровня в 16,3 триллиона долларов. Фактически весь мир платит дань США, которая используется для финансирования их расходов.

О результатах институциональной трансформации капиталистической экономики. Институциональные структурные противоречия гло-

¹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал: новая фаза в развитии капитализма. М.: Либроком, 2011, с. 109.

² Поучительная история создания ФРС по инициативе банкира-миллиардера Джона Пайерпонта Моргана после конфиденциальных переговоров со всеми сильными мира всего, в первую очередь с главой банкирского дома Ротшильдов, очень хорошо описана в книге «Секреты федерального резерва»: Mullins E. The Secrets of the Federal Reserve. Bankers Research Institute. L., 1983.

бализируемого капитализма. Как было продемонстрировано ранее, традиционный экономический анализ, базирующийся на изучении динамики статистических макроагрегатов, позволяет зафиксировать разнонаправленные тренды, характеризующие процесс капиталистической глобализации. Но не более того. Для выявления фундаментальных причин сложившейся «запутанности» экономической глобализации на базе капиталистических принципов правомерно рассмотрение этого процесса как трансформационного, то есть через призму системной институциональной трансформации¹.

Каковыми же представляются основные результаты институциональной трансформации капиталистической экономики как глобальной системы?

В полной мере эти результаты могут быть выявлены посредством фундаментального анализа развития всей сложной многоуровневой институциональной системы современной капиталистической экономики, притом с учетом упоминавшейся дивергенции национальных капитализмов и наличия «частично капиталистических» и вообще некапиталистических национальных систем. Такая грандиозная задача пока не решена даже на теоретическом уровне. Тем не менее, на наш взгляд, в самом первом приближении ответ на поставленный вопрос может быть получен, хотя и в ограниченных рамках исследования институционального развития основных рынков как структурообразующих составляющих капиталистической системы.

Начнем с рынка капитала. Бесспорно, за последние десятилетия наблюдается интенсивное развитие институтов этого рынка. Их функционирование обеспечивает прилив инвестиционных ресурсов на все мировые рынки и, особенно, на развивающиеся рынки, что выражается в максимальной мобилизации капитала на глобальном уровне. В результате повышается скорость распространения транснациональной корпоративной экономики.

В то же время достаточно хорошо известно институциональное несовершенство существующего рынка капитала как финансового рынка. Он продуцирует, как уже отмечалось, увеличение в огромных масштабах денежного капитала вне реальной сферы в ходе многообразных спекулятивных операций. А это, в свою очередь, обуславливает высокий риск и неопределенность результатов долгосрочных инвестиций, особенно в реальных секторах. Тем самым **глобальный рынок капитала обнаруживает свою институциональную неполноту в отношении всего спектра потребностей экономического развития, что особенно наглядно проявляется в неполном страховании инвестиционных рисков. При та-**

¹ Этот вопрос подробно рассматривается в другой статье автора: Мартынов. А. Об обновленной концепции экономической трансформации. // Общество и экономика, 2011, № 4-5.

ком положении дел существенная часть инвестиционных решений может осуществляться исключительно благодаря действию национальных экономических институтов.

И, как показал ход мирового кризиса 2008–2009 гг., институты глобального рынка капитала и особенно глобального фондового рынка оказались недостаточно дееспособными. По существу они обусловили ограничения процесса глобализации экономики.

В целом имеет место институциональное противоречие между ростом и распределением капитала. Узкий клан миллиардеров и мультимиллионеров обладает самыми широкими возможностями для получения сверхдоходов через действующие финансовые рынки. В то же время для основной части граждан остается удел быть исключительно «символическими» капиталистами.

Принципиально важно и то, что в первую очередь в зону движения финансового капитала попадают высокодоходные рынки. К ним относятся сырьевые рынки и рынки в рамках транзакционных секторов (торговля, недвижимость и др.). Так, общепризнан феномен воспроизводства несправедливо высоких ресурсно-сырьевых цен. Они фактически компенсируют избыточное предложение денег, возникшее вследствие спекулятивного оборота на рынке капитала.

В результате на практике институциональное несовершенство рынка капитала проявляется в фундаментальной структурной диспропорции распределения, присущей нынешней глобализируемой экономике. В мировом масштабе *главный выигрыш в доходах получает финансовый сектор, сектор торговли, сектор недвижимости и ряд других транзакционных секторов, а также сырьевой сектор.* Однако в современных условиях, как давно эмпирически доказано, основной вклад в экономический прогресс вносят инновационный и высокотехнологичный сектора. Негативные последствия такого экономически несправедливого секторного распределения очевидно. Институты рынка капитала, подавляя другие институты предпринимательства, нейтрализуют их стимулирующую функцию.

Сохраняет свое значение и фундаментальное институциональное противоречие капиталистического рынка труда, то есть противоречие между капиталом и трудом в его широком понимании. В количественном измерении оно непосредственно выражается в разрыве между динамикой заработной платы работающих и ростом доходов от капитала (включая, конечно, оплату менеджеров в форме бонусов). В ходе глобализации рынков труда и связанного с ней международной миграцией рабочей силы этот разрыв определенно усилился.

Следует признать, что сверхэксплуатация дешевой рабочей силы в Китае и ряде других азиатских стран по существу является источником роста мировой экономики. Нельзя обойти вниманием и феномен так называемой гибкой занятости в развитых капиталистических странах. Жесткие

требования конкурентоспособности на международных рынках диктуют режим минимизации расходов на оплату не самого квалифицированного персонала. Как следствие, за последнее десятилетие произошло кардинальное увеличение так называемой нетипичной занятости, представляющей собой одновременно частичную занятость и занятость на низкооплачиваемых, заведомо ниже прожиточного минимума работах¹.

Также очевидное структурное противоречие продуцируется в ходе функционирования институтов потребительского рынка, степень глобализации которого, кажется, достигла максимума благодаря распространению самой идеологии потребительства. Это противоречие проявляется в дороговизне (вследствие огромной скорости обновления ассортимента товаров и особенно услуг индекс инфляции не отражает динамику реальной потребительской корзины, заметим в скобках), то есть опережении роста стоимости потребительских стандартов относительно доходов большинства потребителей. Вполне закономерно произошла поляризация личного потребления – широкое распространение стандарта полубедности при сопутствующем резком расширении зоны элитного потребления.

Полностью институционально совершенными нельзя полагать и обычные товарные рынки. В большинстве своем они представляют собой не полностью конкурентные рынки, где доминируют крупнейшие корпорации-олигополии и проявляются негативные побочные эффекты их деятельности, в частности, сознательное и «согласованное» ухудшение качества продукции при сохранении неизменными продажных цен. Сказанное также справедливо в отношении рынков высокотехнологичных товаров, в том числе военного назначения.

По общепризнанному мнению, в современный период трансформация институциональных механизмов инновационных рынков имеет однозначно позитивный знак. Тем не менее, влияние рыночной власти крупных корпораций здесь имеет место. Особенно явно оно проявляется в получении корпорациями очень дорогостоящих патентов с целью недопущения на соответствующие рынки новых конкурентов.

Наконец, коснемся результатов институционального развития международных рынков торговли и услуг. Они, несомненно, выразились в увеличении несправедливого разрыва по уровню национального дохода и наращивании институциональных различий между богатыми и бедными странами при усилении торговых дисбалансов². А закономерным следствием этого феномена стало замедление роста мировой торговли, международного обмена услуг и производственной транснационализации, о чем говорилось ранее.

¹ Streeck W. The Crisis in Context. Democratic Capitalism and Its Contradictions. MPIfG Discussion Paper 11/15. www.mpiifg.de.

² GROWING UNEQUAL? : INCOME DISTRIBUTION AND POVERTY IN OECD COUNTRIES. Paris, OECD, 2008.

Исходя из сказанного, можно сделать важный вывод – **функционирование основных рынков глобализируемой капиталистической экономики сопряжено с воспроизводством структурных институциональных противоречий**. Они непосредственно проявляются в негативном влиянии одних институтов на действие других институтов, выражающееся в дисфункциях последних.

Правомерно утверждать и то, что функционирование данных рынков сопряжено с воспроизводством наиболее значимого структурного институционального противоречия глобализируемой экономики, обусловленного исключительным доминированием институтов крупного корпоративного капитала, объединяющего в первую очередь транснациональные банки, страховые компании и нефинансовые корпорации, над всеми остальными институтами предпринимательства.

Институциональные экономические противоречия дополняются общесистемными социальными институциональными противоречиями. Как известно, огромное социальное неравенство и социальная несправедливость выступают знаковыми чертами реального капитализма наших дней. По оценкам авторитетного Института UNU-WIDER при ООН, за последнее десятилетие число бедных выросло на 20%, в то время как на долю 358 богатейших миллиардеров приходится 1/12 доходов всего человечества.

По существу основная, если не подавляющая часть населения многих стран мира оказывается «отсеченной» от действительных благ цивилизации. Большая часть человеческого социума, будучи в состоянии потреблять только дешевые товары массового спроса и пользоваться услугами невысокого качества, заведомо обречена на положение людей второго сорта, страдающих от болезней и не обладающих необходимой жизненной энергией. Как следствие, в реальности имеет место воспроизводство именно таких социальных слоев вместо продекларированного утверждения среднего класса.

Трудно оценить позитивно и статусную структуру капитализма сегодняшних дней. По сути дела крупные собственники акционерного капитала диктуют свои законы обществу, а так называемый средний класс играет фактически подчиненную роль.

Развитие институтов современного капитализма не обеспечило желаемого состояния окружающей среды. Уже в близком будущем весьма значимой выглядит угроза экологического «тромба». Она объясняется, конечно, нынешним неблагоприятным состоянием экологии на фоне продолжающегося быстрого ухудшения общемирового климата. Вновь состоявшаяся в прошедшем году конференция в Рио-де-Жанейро подтвердила такой диагноз.

В завершение сказанного имеет смысл обратить внимание на следующий принципиальный момент. В практических исследованиях экономической глобализации в основном все сводится к анализу финансовых

процессов и взаимосвязей без выявления их корневых причин. При этом негативные результаты глобализационных перемен экономические аналитики обычно рассматривают через призму структурных финансовых дисбалансов. Речь идет о дисбалансах между сбережением и накоплением, заемными и собственными средствами, долгосрочными займами и размерами их возврата, объемами бюджета и ВВП и др.

Как известно, о глубине мирового кризиса 2008–2009 гг. судили именно по степени негативности указанных соотношений. Но верно и то, что последние непосредственно отражали диспропорции распределения доходов между экономическими субъектами, обусловленные институциональным несовершенством рынка капитала. Кроме того, через указанные финансовые дисбалансы проявились структурные ресурсные диспропорции, характеризующие состояние потребительского рынка, рынка труда, а также мировых нефинансовых рынков. И они также максимально обострились в период кризиса.

В преддверии нового мирового кризиса-рецессии. Ожидания нового мирового финансового кризиса вполне обоснованы. Это следует хотя бы из широко резонансного доклада известной консалтинговой фирмы Oliver Wyman¹.

Как отмечалось ранее, кризисные явления выступают результатом действия структурных финансовых дисбалансов. Главное значение среди них, по представлению многих исследователей, имеет *избыточный финансовый капитал спекулятивного происхождения*.

Вполне закономерно мировой финансовый капитал является источником огромного внешнего кредитования развивающихся рынков, особенно Китая и его экономических сателлитов (Вьетнама, Бирмы, Камбоджи, Бангладеш, отчасти Индонезии). Также огромный размах приобрело инвестирование и кредитование процесса слияний и поглощений, особенно опять-таки на развивающихся национальных рынках.

Особую значимость в мирохозяйственном масштабе имеет феномен вливаний «горячих денег», возникших в ходе спекулятивных финансовых операций в китайскую экономику – крупнейшую экспортную экономику мира главным образом через каналы теневого банковского участия, дополняемого привлечением нелегальных инвестиций.

Как известно, реальные экономические преимущества теневой банковской деятельности заключаются в том, что в этой сфере достигается максимальное согласование интересов инвесторов и заемщиков, осуществляющих быстрые производственные инновации. И гипербыстрый рост нелегального кредитования/инвестирования естественно еще более ускоряется в условиях происходящего усиления официального банковского

¹The financial crisis of 2015: an avoidable history.
www.er.ethz.ch/fco/TheFinancialCrisis2015-OliverWyman.pdf.

надзора. При этом, конечно, следует иметь в виду, что основной источник нелегальных инвестиций и кредитов для развивающихся рынков – все тот же избыточный финансовый капитал, притом возникший в результате огромных финансовых спекуляций в ходе последнего мирового кризиса.

Огромные нелегальные инвестиции, конечно, способствуют росту экспорта товаров, особенно из сектора малого и среднего бизнеса. И этот эффект усиливается благодаря политике китайских властей по стимулированию роста экспорта, связанной с целенаправленной недооценкой юаня. В условиях долларовой недооценки юаня таким путем извлекаются огромные барыши.

Также высокоприбыльными оказываются финансовые вложения во внутренний сектор экономики Китая и многих других стран с развивающимися рынками. Это, очевидно, объясняется очень высокими внутренними потребительскими ценами на развивающихся рынках, чему также в большой мере способствует политика «количественных облегчений» ФРС.

В итоге, быстрый рост и высокие цены на развивающихся рынках обеспечивают поддержание до настоящего момента приемлемой, в основном возрастающей мировой фондовой конъюнктуры. Также такая динамика способствует поддержанию высоких цен на сырьевые товары и сохранению переоцененных высоких цен на собственность и, особенно, на недвижимость в западных странах.

Какова же ближайшая перспектива развития мировой финансовой экспансии на развивающиеся рынки?

По широко распространенному мнению (автор его полностью разделяет как очевидец), цены в Китае и странах ЮВА достигли пика, их дальнейшее повышение упирается в недостаточную платежеспособность китайских и других азиатских потребителей. Неприемлемая для большинства граждан сильная инфляция обуславливает необходимость в совсем скором будущем повышения процентных ставок и как следствие – существенное снижение экономической активности. В результате за последний период очень усилились ожидания стабилизации потребительских цен уже в текущем, 2013 году.

Более чем вероятной реакцией на инфляционный коллапс будет ужесточение монетарной политики в Китае. В свою очередь ее главным последствием, видимо, станет прекращение вливаний «горячих» денег в экономику Китая и стран ЮВА в результате внебанковского кредитования и инвестирования. Тогда следует ожидать установления полной конвертируемости юаня и, возможно, валют других стран BRICS, прежде всего Индии и России.

В дальнейшем следует ожидать прекращения роста китайской экономики. В итоге может произойти долговой кризис. Во всяком случае, резкое ухудшение фактического состояния огромного числа банков, главным образом их «забалансовых» счетов, и других кредиторов Китая при

повсеместном невозврате долгов западным инвесторам. Также правомерно прогнозировать падение цен на сырьевые товары, что, в свою очередь, обусловит острые долговые проблемы кредиторов и инвесторов масштабных инвестиционных проектов в сырьевых отраслях.

Стоит также отметить, что и в целом продолжающаяся финансовая экспансия совершенно не отличается точно-эффективной направленностью. По заключению экспертов¹, она сопряжена с кредитованием и финансированием через участие в акционерном капитале претензионных, фактически малокупаемых проектов, что уже сейчас вызывает большие финансовые угрозы.

В итоге, по мнению многих экспертов, ожидаемое прекращение роста развивающихся рынков в 2014-2016 гг. повлечет за собой общемировой производственный спад и сопутствующий долговой кризис. Правда, этот кризис не будет явно выраженным, принимая во внимание беспрецедентное усиление инструментов банковского надзора, особенно в ЕС, и в целом финансового регулирования. По всей видимости, вследствие проведения стабилизационной политики, обеспечивающей снижение макрофинсовых рисков, повторения кризисных потрясений 07-08 гг. удастся избежать. Оглушительных финансовых потрясений, подобных банкротству *Leman Brothers*, не произойдет. Не будет и огромного обесценения и сброса ценных бумаг, то есть финансового коллапса в его обычном понимании.

Развитие событий в обозначенном направлении следует рассматривать на основе понимания ожидаемого структурно-финансового кризиса как разрыва в постепенности мирового экономического развития и перехода к его однозначно понижительному тренду. Новый кризис, вероятно, станет началом длительного трансформационного спада. Он выразится в долговременной рецессии в западных странах, сопровождаемой стагнацией развивающихся рынков других стран.

Насколько можно судить по нынешней ситуации, современные формы западного капитализма исчерпали себя. Возможно, это станет более очевидным, когда институциональные системы стран с развивающимися рынками станут зрелыми.

Из всего сказанного можно сделать однозначный вывод: **инерционный сценарий экономического глобализации неприемлем. Институциональные системные реформы глобализируемого капитализма просто безальтернативны.**

¹ См., например: Xing. Y. The People's Republic of China's High-Tech Exports: Myth and Reality. ADBI Working Paper 357. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2012. www.adbi.org/working-paper/2012/04/25/5055.prc.high.tech.exports.myth.reality.